

Т.Г. ЩЕДРИНА

Доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования МПГУ

УДК 1(091)

ФОТОГРАФИЯ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ)¹

В статье осмысливается значение фотографии для историко-философского исследования. Автор опирается на культурно-исторический опыт работы с фотографиями в рамках серии «Философия России первой половины XX века» (вышло 32 тома). На первый план в историко-философском исследовании выходит проблема реальности, запечатленной на фотографии. Философы XX века ставят под вопрос достоверность фотоизображения, историки философии допускают существование реальности, которая изображается на снимке, поскольку имеют дело не только с образами, представленными на фото, но и с материей фотографии. Показано, что фотография расширяет рамки историко-философского исследования, внося в него экзистенциальную составляющую.

Ключевые слова: фотография, история философии, философия России, герменевтический подход.

T. G. SHCHEDRINA

*DSc in Philosophy, Professor at Department of Philosophy of
Institute of Social Humanitarian Education at MPSU*

PHOTOGRAPHY IN HISTORICAL-PHILOSOPHICAL RESEARCH

The article comprehends the importance of photography for historical-philosophical research. The author draws on the cultural and historical experience of working with photographs in the series "Russian Philosophy of the first half of the 20th century" (32 volumes were published). The problem of reality captured in photography comes to the fore in historical and philosophical research. Philosophers of the twentieth century question the

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01187 «Густав Шпет как методолог гуманитарного знания: реконструкция архивных материалов».

reliability of the photographic image; historians of philosophy admit the existence of reality, which is depicted in the photograph, since they are dealing not only with the images presented in the photo but also with the matter of photography. It is shown that photography expands historical-philosophical research scope, introducing an existential component into it.

Keywords: photography, history of philosophy, philosophy of Russia, hermeneutic approach.

Феномен фотографии осмысливали многие философы XX века (В. Беньямин, С. Зонтаг, Р. Барт, Ж. Бодрийяр и др.). Они рассматривали фотографии как эстетический, культурный, антропологический феномен. Однако в данной статье акцентируется внимание на фотографии как феномене историческом и эпистемологическом одновременно. Именно эти ракурсы выходят на передний план в историко-философских исследованиях. И прежде всего потому, что если в эстетическом или культурном контекстах фотография может существовать сама по себе, то в историческом и эпистемологическом – это всегда отношение к реальности.

Эту соотносительность зафиксировал Бодрийяр, обозначая проблему XX века – проблему исчезающей реальности: «Быть может, нет ничего удивительного в том, что фотография развивалась как род технологического посредника в индустриальную эру, когда реальность начала свое движение к исчезновению. Быть может даже, исчезающая реальность запустила в обращение эту техническую форму. Реальность обнаружила способ мутирования в изображение. Это ставит под вопрос наше упрощенное объяснение рождения технологии и появления современного мира. Быть может, технологии и media вовсе не являются причиной скандального тезиса: исчезновение реальности. Наоборот, возможно, что все наши технологии (со всеми ее пагубными последствиями) появляются из постепенного затухания (экстинкции) реальности» [1],

Если для Бодрийяра важно зафиксировать фотографию как самодостаточную знаково-символическую реальность, то мы можем посмотреть на эту проблему иначе. Для историка философии важно не столько исчезновение реальности, сколько ее удержание, всматривание в нее сквозь фотографию, умозрение фотографии (т.е. просмотр ее умным, знающим знаки культуры взором). Именно тогда мы начинаем понимать ценность визуализации интеллектуальных образований (См. об этом: [5]).

Историк философии, работающий с идеями и концепциями, так или иначе выходит к биографии. (Хотя некоторые методологи историко-философского исследования полагают, что биографический метод неэффективен для анализа идей.) И тем не менее, осмысливая интеллектуальные построения какого-либо мыслителя, мы начинаем проникать в его мо-

тивационные контексты, в реальность, в которой он жил и творил. И чем более детально мы исследуем биографию философа, тем глубже понимаем субъективную составляющую его произведений (сарказм, пессимизм, иронию, романтическую восторженность и т.п.). Мы погружаемся в подразумеваемое им. А это значит, что на передний план выходит экзистенция философа, его жизнь в мысли.

О чем нам говорит фотография?

Вглядываясь в нее, мы рассматриваем мыслителя и его идеи не как «объективную реальность», чужую и немую, но как говорящего с нами на одном языке «Заслуженного собеседника». И вот тут так хочется заглянуть ему в глаза и, встретившись с ним взором, увидеть себя иначе. «Но, встретившись с другим таким же глазом, / Себя, как в зеркале, он видит в нем. / Ведь лишь по отраженью наших взоров / Во взорах тех, кого мы созерцаем, / Мы познаем себя...» [3; С. 301] (См. также рассуждение Г.Г. Шпета: «“Социальная обусловленность человека” – не только “теория”, но и поэзия; и относится не только к “целому”, но и к “каждому временному отрезку”. Зри: Troilus + Cressida, III, 3 в “целом” и в точечном отрезке в частности: but eye to eye opposed / Salutes each other with each offer’s from». [2; С. 393, 632]). Мы общаемся через фотографию с историей, с культурами, с конкретными людьми.

В фотографии всегда присутствует история. Время и пространство в ней предстают в виде знаков, которые исследователь превращает в нарратив. Особенно интересно, когда сохраняются фотографии человека разных лет жизни и ты можешь наблюдать, как душа «живет и биографствует» [4; С. 187], «мягким воздушным покровом» [4; С. 191] облекает человека (всматриваясь в лицо, ты наблюдаешь любовь и ненависть, радость и горечь, страдание и скорбь, а еще мысль, с которой обращается к тебе собеседник). И ты после молчаливого разговора с фотографией уже по-другому будешь относиться к мыслям философа, к архиву которого посчастливилось прикоснуться.

Для историка философии фотографии (личные, профессиональные) это не столько искусство, которым можно наслаждаться, сколько внешний способ памяти, который шире, чем просто хранение образов. Мы понимаем, что снимок всегда встроен в социальные практики. Говоря о фотографии, философы рассуждают о том, как она возможна, а историк философии – о том, как она есть. Философ изначально ставит под сомнение простое (указательное) совпадение реальности и фотоизображения, до последнего сомневаясь в достоверности фотографии. Историк философии допускает возможность того, что фотографии что-то предшествовало, и это предшествующее можно искать и находить. Он не сомневается в том, что реаль-

ность, изображенная на фотографии, существовала, потому что имеет дело с особой исторической материей. Качество бумаги, тиснение, особый химический состав, применяемый фотографами начала XX века и многие другие материальные признаки позволяют исследователю определить исторический возраст фотоснимка. (Хотя, конечно, он отдает себе отчет в том, что на его пути могут встретиться и весьма правдоподобно сконструированные подделки.)

Исследование фотографий составляет часть работы, которую мне приходится вести при подготовке томов серии «Философия России первой половины XX века» (вышло 32 тома). В каждом томе от 1 до 5 печатных листов фотографий (от 50 до 200 штук). Обычно фоторяд составляют персоналии (портреты и группы), документы (в том числе рукописи, книги с автографами, черновики и письма), архитектура (различные здания, имеющие отношение к жизни и деятельности мыслителя).

Часто именно рукописное наследие позволяет опознать лица, изображенные на фотографиях. К примеру, в архиве Шпета мы находим фотографию, где он изображен с тремя молодыми людьми. Фотография не подписана, и очень долго изображенные оставались неизвестными. И только погрузившись в архивные воспоминания Борового (они хранятся в РГАЛИ), понимаешь, что это были (кроме самого Борового, которого трудно не узнать) Блонский и Фриче (именно они указываются в воспоминаниях Борового как близкие друзья его и Шпета).

Благодаря письмам Миртова Шпету удалось вернуть из полного забвения портрет философа-логика М.И. Каринского. Его фотография долгое время лежала у дочери Шпета Марины Густавовны, но кроме как «человек с бородой» изображенного на ней не величали. И только прочитав письмо Миртова Шпету, мы узнали, что Миртов послал Шпету портрет Каринского и указал его возраст. При сопоставлении этого сообщения Миртова с фотографией «Человек с бородой» стало ясно, что перед нами М.И. Каринский (позже эту догадку подтвердили родственники Михаила Ивановича, опознав его на фото).

Квинтэссенцией исследований фотографических персоналий стала карта «Лица». На ней точками обозначены города, где жил Лев Шестов. Вокруг этих точек сосредоточиваются фотографии его собеседников, с которыми он общался в то или иное время. Здесь и близкие родственники (в том числе жена и дочери), и приятели, и друзья, и коллеги.

Немало интересных историй могут рассказать групповые фотографии. Они требуют особо тщательной работы. Бывает так, что в разных архивах мы находим одну и ту же групповую фотографию, а на обороте указаны фамилии тех, кто изображен. Причем перечень имен не совпадает. Вероятно, подписывали фото не сразу, а по памяти. И тогда исследователь

начинает проверку, погружается в разные архивы, пока не установит личности всех изображенных. Конечно, есть пределы, и исследователь, составляющий фотоклейку, может не знать всех нюансов каждого тома. Но он обязан проверить хотя бы соответствие количества человек, изображенных на фото и указанных на подрисуночной подписи. Бывали несовпадения (на фото было больше человек, чем на подписи).

Особую роль для историка философии приобретают не только лица мыслителей, но и окружающий их мир. Вид библиотек и домашних кабинетов, залов заседаний и преподавательских комнат, внутреннее убранство квартир и домов, где жили мыслители могут очень многое рассказать нам об их знаково-символическом мире и навести на новые открытия. Какие портреты висели на стенах, какие статуэтки (из каких сказок, романов и повестей) стояли на каминной полке, какие книги и журналы читали философы, насколько большую библиотеку имели дома? Все это можно увидеть на исторических фотографиях, визуализирующих биографический нарратив.

В работе с фотографиями историк философии ищет исторически конкретный смысл. Реальность фотографии настолько приоткрывает завесу тайны, насколько глубоко всматривающийся в нее ее исследователь будет знать контексты. Не зная предыстории, мы не прочтем фото. Нужна особая герменевтическая работа, с помощью которой можно восстановить или реконструировать реальность фотографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Фотография или письмо света / Пер. с англ. Арсена Меликяна. URL: <https://docplayer.ru/27412026-Fotografiya-ili-pismo-sveta.html> (дата обращения: 25.11.2020)
2. Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005.
3. Шекспир В. Троил и Крессида / Перевод Л. С. Некора // Шекспир В. Полное собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. А. А. Смирнова. М.-Л.: Academia, 1949. Т. 7. С. 301.
4. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007.
5. Щедрина Т.Г. Искусство видеть смыслы // Человек. 2015. № 4. С. 159–163.

REFERENCES

1. Baudrillard J. Fotografiya ili pis'mo sveta / Per. s angl. Arsena Melikyana. URL: <https://docplayer.ru/27412026-Fotografiya-ili-pismo-sveta.html> (data obrashcheniya: 25.11.2020)
2. Gustav Shpet: Zhizn' v pis'makh. Epistol'yarnoye naslediye / Otv. red.-sost. T.G. Shchedrina. M.: ROSSPEN, 2005. S. 393, 632.
3. Shakespeare W. Troil i Kressida / Perevod L. S. Nekora // Shakespeare W. Polnoye sobraniye sochineniy: V 8 t. / Pod red. A. A. Smirnova. M.-L.: Academia, 1949. T. 7. S. 301.
4. Shpet G.G. Esteticheskiye fragmenty // Shpet G.G. Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannyye trudy po filosofii kul'tury / Otv red.-sost. T.G. Shchedrina. M.: Rosspeyen, 187.
5. Shchedrina T.G. Iskusstvo videt' smysly // Chelovek. 2015. № 4. S. 159–163.